

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ IV

Об акторно-сетевой теории
(АКТОРНО-СЕТЕВАЯ ТЕОРИЯ)

Цель: рассмотреть акторно-сетевую теорию Бруно Латура.

Ключевые слова: сеть, антант, актор.

В данной лекции мы ознакомимся с некоторыми разъяснениями относительно акторно-сетевой теории Бруно Латура. Его исследования очень повлияли на развитие новых направлений ряда научных дисциплин. Он является автором книг «Мы никогда не были современными» (1993), «Лабораторная жизнь» (1986) и «Наука в действии» (1988).

Изучение свойств акторных сетей – задача, которую Парижская группа исследователей в области науки и техники начала решать с начала 1980-х годов. Однако эту теорию, считает Б. Латур, часто неправильно понимали и, следовательно, неправильно использовали.

Работа над ошибками

Три случая ошибочного понимания связаны с обычным использованием самого слова «сеть» и коннотаций, которые оно приобретает.

Первая ошибка заключалась в том, чтобы придать сети общее техническое значение в смысле сточных вод или железной дороги, метро или телефонной «сети». Новейшие технологии часто имеют характер сети, то есть исключительно связанных, но очень отдаленных элементов, причем циркуляция между узлами таких элементов становится возможной с помощью набора обязательных путей, придающих нескольким узлам стратегический характер. Ничто не является более тесно связанным, более отдаленным, более обязательным и более стратегически организованным, чем компьютерная сеть. Однако это не основная метафора акторной сети. Техническая сеть в инженерном смысле – это только одно из возможных окончательных и стабилизированных состояний акторной сети. Акторная сеть может не иметь всех характеристик технической сети – она может быть локальной, может не иметь обязательных путей, стратегически расположенных узлов.

Второе непонимание легко преодолеть: акторно-сетевая теория имеет очень мало общего с изучением социальных сетей. Эти исследования, независимо от того, насколько они интересны, относятся к социальным отношениям отдельных человеческих субъектов деятельности – их частоте, распределению, однородности, близости. Они были разработаны как реакция на глобальные создания, такие как институты, организации, государства и нации. Хотя акторно-сетевая теория разделяет недоверие к таким расплывчатым всеобъемлющим социологическим терминам, она тем не менее направлена на описание самой природы обществ. Но для этого она не ограничивается отдельными человеческими субъектами деятельности, а расширяет слово «актор (субъект) – или антант» до не-человеческих, не отдельных лиц. В то время, как социальная сеть добавляет информацию о взаимоотношениях людей в социальном и естественном мире, которая остается нетронутой анализом, акторно-сетевая теория направлена на учет самой сущности общества и природы. Она стремится не добавлять социальные сети в социальную теорию, а перестроить социальную теорию, исходя из понимания свойств сетей.

Зачем тогда использовать слово «сеть», если оно открыто для таких недоразумений? Использование этого слова идет от Дидро, он применял его для описания материи и тел, чтобы избежать декартовского разрыва между материей и духом. Таким образом, у этого слова был сильный онтологический компонент с самого начала.

Вместо того, чтобы думать о поверхностях – двух-трех измерениях или сферах – следует думать об узлах, имеющих столько измерений, сколько у них имеется связей. При первом рассмотрении акторно-сетевой теории утверждается, что современные общества не могут быть описаны без признания их волокнистыми, нитевидными, тягучими, вязкими, капиллярными, того, что они никогда не будут связаны понятиями уровней, слоев, территорий, сфер, категорий, структур, систем. Теория нацелена на объяснение эффектов, обусловленных этими традиционными словами. Она была разработана учеными, работающими в области акторно-сетевой теории и науки и техники. Их мысль заключается в том, что невозможно понять, что объединяет общество, игнорируя факты, созданные естественными и социальными науками, и артефакты, разработанные инженерами. При втором рассмотрении акторно-сетевая теория

является утверждением, что единственный способ добиться такого повторного Введения вещей в наше понимание социальных тканей – это сетевая онтология и социальная теория.

Акторно-сетевая теория представляет собой простой аргумент материального сопротивления. Сила исходит не от концентрации, чистоты и единства, а от распространения, неоднородности и тщательного сплетения слабых связей.

Сеть

АСТ (далее – акторно-сетевая теория) использует некоторые из простейших свойств сетей, а затем добавляет к этому актора (субъекта деятельности), который выполняет некоторую работу; добавление такой онтологической составной части глубоко меняет его. Б. Латур начинается с изложения простейших свойств, общих для всех сетей.

Параметр дальше/ближе: первое преимущество мышления с точки зрения сетей состоит в том, что мы избавляемся от «тирании расстояния» или близости. Элементы, близкие при отсоединении, могут быть бесконечно удалены при анализе их соединений; наоборот, элементы, которые кажутся бесконечно удаленными, могут быть близки, когда их соединения возвращаются обратно в изображение. Человек может находиться на расстоянии одного метра от кого-то в соседней телефонной будке и, тем не менее, быть более тесно связанным с матерью, находясь от нее на расстоянии около 10 000 км; северный олень Аляски может находиться в десяти метрах от другого оленя, и, тем не менее, они могут быть отрезаны друг от друга трубопроводом протяженностью чуть больше 1000 км, что делает их спаривание навсегда невозможным; его сын, еще приводит примеры Латур, может сидеть в школе с арабом своего возраста, но, несмотря на эту локационную и душевную близость в первом классе, они могут дрейфовать в мирах, которые впоследствии станут несоизмеримыми; газовая труба может лежать в земле вблизи стекловолокна кабельного телевидения и рядом с канализационной трубой, и каждая из них, тем не менее, будет постоянно игнорировать параллельные миры вокруг них. Трудность, которую мы имеем при определении всех ассоциаций с точки зрения сетей, связана с преобладанием географии.

«Между» сетями нет такой вещи, как близость или расстояние, которое не было бы определено связностью. Географическое понятие – это просто другое соединение с сеткой, определяющей метрики и масштаб. Понятие сети помогает нам снять тиранию географов в определении пространства и предлагает понятие, которое не является ни социальным, ни «реальным» пространством, а ассоциациями.

Параметр малый масштаб/крупный масштаб: понятие сети позволяет нам растворить микро-макроразличие, которое преследовало социальную теорию с самого начала. Вся метафора масштабов, идущих от индивидуума до национального государства, через семью, расширенные родственные связи, группы, учреждения и т. д., заменяется метафорой связей. Сеть никогда не бывает больше, чем другая, она просто дольше или интенсивнее связана. Мелкомасштабная/крупномасштабная модель имеет три функции, которые оказались разрушительными для социальной теории: она привязана к отношениям порядка, которые идут сверху вниз или снизу вверх, словно у общества действительно есть верх и низ.

Понятие сети подразумевает глубоко иную социальную теорию: у нее нет отношения априорного порядка; она не связана с аксиологическим мифом о верхе и низе общества.

Понятие сети позволяет нам снять тиранию социальных теоретиков, восстановить некоторый запас маневров между составными частями общества – его вертикальным пространством, иерархией, расслоением, макромасштабом, целостностью, всеобъемлющим характером и посмотреть, как эти функции будут достигнуты и из чего они сделаны. Вместо того, чтобы выбирать между локальным и глобальным взглядами, понятие сети позволяет нам думать о глобальной сущности – очень связанной, которая, тем не менее, остается постоянно локальной.

Параметр внутри/снаружи: поверхность имеет внутреннюю и внешнюю стороны, разделенные границей. Сеть – это все границы без внутренней и внешней сторон. Единственный вопрос, который можно задать, заключается в том, установлено ли соединение между двумя элементами. Поверхность «между» сетями либо подключена, но затем сеть либо расширяется,

либо не существует. В буквальном смысле, у сети нет внешней стороны. Сеть – это позитивное понятие, которое не должно пониматься отрицательно. У нее нет тени.

Понятие сети в ее самом узком топологическом плане уже позволяет нам перестроить пространственные метафоры, которые сделали изучение общества-природы настолько сложным: близким и далеким, идущим вверх и вниз, локальным и глобальным, внутренним и внешним. Они заменяются ассоциациями и связями. Это не означает, что нет ничего похожего на «макрообщество» или «внешнюю» природу, поскольку в этом часто обвиняют АСТ, но для того, чтобы достичь эффекта расстояния, близости, иерархии, связности, посторонности, необходимо выполнить огромную дополнительную работу. Однако эта работа не учитывается топологическим понятием сети, какой бы изощренной мы не стремились ее сделать. Вот почему АСТ добавляет к математическому понятию сети совершенно чуждое понятие – понятие актора (субъекта деятельности).

Акторная сеть – это онтологическое определение, а не кусок инертной материи в руках других, особенно людей планирующих или проектирующих. Именно для того, чтобы указать на эту существенную особенность, было добавлено слово «актор».

Актор

Как и «сеть», слово «актор» было неправильно понято. «Актор» (субъект деятельности) в англосаксонской традиции всегда является человеческим сознательным индивидуальным субъектом. Если добавить это определение актора к социальному определению сети, то становится понятным, откуда появилось недоразумение: отдельный человек (обычно мужчина), который хочет захватить власть, создает сеть союзников и расширяет свою власть, «налаживает контакты» или «устанавливает связь», как говорят американцы.

«Актор» в акторно-сетевой теории – это актант, то, что действует само. Это не подразумевает особой мотивации отдельных человеческих субъектов или людей в целом. В роли актантов выступает что угодно, при том, что он (или это) является источником действия. Если акторно-сетевая теория и может стать объектом критики, то именно в том, она демонстрирует полное безразличие к созданию модели человеческой компетентности. В АСТ нет модели (человеческого) актора или какого-либо базового списка компетенций, которые должны быть установлены в начале, потому что человек и социальный субъект традиционной социальной теории не входят в его программу действий.

Итак, что же входит в эту программу действий? Атрибуция (приписывание) человеческих, нечеловеческих, не только человеческих, внечеловеческих характеристик; распределение свойств между этими сущностями; установление связей между ними; циркуляция, связанная с этими атрибутами, распределениями и связями; трансформация атрибуций, распределений и связей многих элементов, которые входят в круг циркуляции, и несколько способов их пересылки.

Трудность усвоения АСТ заключается в том, что она была создана путем слияния трех доселе несвязанных направлений озабоченности:

- семиотическое определение построения сущности;
- методологическая основа для учета неоднородности такого построения;
- онтологическое утверждение о «сетевом» характере самих актантов.

АСТ утверждает, что пределы этих трех не связанных между собой интересов устанавливаются только тогда, когда они сливаются в интегрированную практику исследования.

Семиотика – необходимый шаг в этом деле, поскольку, когда вы ставите вопрос о референции и о социальных условиях производства, то, что остается, при первом приближении, оказывается производством, или дискурсом, или текстом. Это главное достижение 1960-х годов и их «лингвистического» или «семиотического поворота». Вместо того, чтобы быть средством общения между субъектами человеческой деятельности и природой, формирование смысла стало единственно важным предметом для изучения. В течение двадцати лет лучшие умы были заняты изучением всех последствий этого серьезного отхода от наивной модели

общения. Их часто структуралистские интерпретации были разрушены, но то, что осталось, – это набор инструментов для изучения смысловых производств.

АСТ сортирует из этого инструментария то, что полезно для понимания построения сущностей. Ключевым моментом является то, что каждая сущность, включая себя, общество, природу, любые отношения, каждое действие, может быть понята как «выбор» или «отбор» более тонких и утонченных разветвлений, идущих от абстрактной структуры (актантов) к конкретной (акторам). Генерирующий путь, который таким образом прослеживается, предоставляет невероятную свободу анализа по сравнению с разрешенным «социальным лексиконом», который использовался раньше, и теперь снова в моде.

Во-первых, предоставление человечеству отдельного актора, или предоставление коллективности, или анонимности, зооморфного вида, аморфности, материальности требует оплаты той же семиотической ценой. Эффекты будут разными, жанры будут разными, но только не работа по атрибуции (приписыванию), вменению, распределению действий, компетенций, исполнений и отношений.

Во-вторых, акторы воспринимаются не как фиксированные сущности, а как потоки, циркулирующие объекты, подвергающиеся испытаниям, и их стабильность, непрерывность, изотопия (непрерывная трансформация многообразия) должны быть получены в результате других действий и других испытаний. Наконец, то, что остается от семиотики, является важной практикой предоставления текстам и дискурсам способности определять их контекст, их авторов – в тексте, их читателей – в фабуле, и метаязык. Все проблемы аналитика переносятся на «сам текст», без разрешения вырваться в контекст. Долой интерпретацию! Долой контекст! Лозунги 60-х и 70-х годов «все есть текст», «есть только дискурс», «нарративы существуют сами по себе», «мы не имеем доступа ни к чему, кроме мнений», сохраняются в акторно-сетевой теории, но спасены от их онтологических последствий. Однако это спасение наступает не благодаря предшествующему деконструкции здравому смыслу, а благодаря распространению семиотического поворота к природе и контексту.

Мощная трансформация этих лозунгов произошла, когда акторно-сетевая теория начала применять семиотику в научном и техническом дискурсах – и особенно в научных текстах. Пока предметом исследования были художественная литература, мифы, народная культура, мода, религии, политический дискурс, можно было бы придерживаться «семиотического поворота» и воспринимать все названное как множество «текстов».

Латур задается вопросами: как насчет научной истины и материальной эффективности? как насчет ссылок относительно «там» (вне) в случае со сложными научными текстами? Это был настоящий тест для семиотики, и, хотя она прошла испытание, ей обошлось это дорого. В практике АСТеории семиотика была расширена, чтобы определить совершенно пустой каркас, который сделал бы возможными любые сборки гетерогенных сущностей, включая теперь «естественные» объекты науки и «материальные» объекты технологии. Это вторая цепочка АСТ: метод описания развертывания ассоциаций; метод описания развития действия любого повествования. Он ничего не говорит о форме сущностей и действий, а только о том, каким должно быть записывающее устройство, которое позволило бы описать сущности во всех деталях.

АСТ сосредоточивает внимание на записи, а не на определенной форме, которая записывается. Когда она говорит, что акторы могут быть человеком или не-человеком, что акторы бесконечно гибки, неоднородны, что они представляют собой свободные связи, не знают различия масштаба, что нет инерции, нет упорядоченности, что они строят свою собственную временную протяженность, этого недостаточно для характеристики реально наблюдаемого актора, но это является необходимым условием возможности для наблюдения и записи акторов.

Вместо того, чтобы постоянно предсказывать, как должен действовать актор и какие соединения допускаются априори, АСТ вообще не делает предположений, и для того, чтобы оставаться незафиксированной, она должна установить свой инструмент, настаивая на бесконечной гибкости и абсолютной свободе. Сама по себе акторно-сетевая теория – это не теория действия, не более, чем картография. Любая форма возможна, если она навязчиво закодирована как долгота и широта. Точно так же любая ассоциация возможна, если она навязчиво кодируется как гетерогенная ассоциация посредством переводов.

АСТ не просто эмпирична, так как для того, чтобы определить такое неподдающееся пространство, в котором для развертывания объектов должны быть выполнены строгие теоретические обязательства и занята сильная полемическая позиция, чтобы запретить аналитику диктовать актерам, что они должны делать. Такое распределение сильной теории для записи и отсутствие теории среднего диапазона для описания являются еще одним источником многих недоразумений, поэтому АСТ обвиняют либо в том, что она догматична, либо в предоставлении простых описаний. По той же причине ее также обвиняют в утверждении, что актеры «действительно» бесконечно податливы и свободны или, наоборот, в том, что она не говорит, что действительно представляет собой человеческий актер.

Первые две нити – семиотическая и методологическая – сами по себе будут открыты для критики. Во-первых, потому что нет никакого способа рассмотреть, что заключение в скобки социального контекста и упоминания решает проблему смысла, и, во-вторых, потому что просто развертывание форм ассоциаций может быть целесообразной описательной задачей, но не дает никаких объяснений. Только тогда АСТ избегает критики, когда к этим двум добавляется третья нить и делаются онтологические утверждения относительно сетей.

Слабость семиотики всегда заключалась в том, что она рассматривала формирование смысла отдельно от природы сущности; когда семиотика обращается к природе и нечеловеческим объектам разрешено входить в картину, оказывается, что слова «дискурс» или «смысл» вообще могут быть опущены без какой-либо опасности вернуться к наивному реализму или наивному натурализму. Это только потому, что семиотики изучали тексты – и литературные в том числе; вместо того, чтобы изучать вещи, они чувствовали себя обязанными ограничиваться «смыслом». Фактически они с научной точки зрения верили в существование вещей в дополнение к смыслу (не говоря уже об их вере в существование старого доброго социального контекста). Но семиотика вещей легка, просто нужно отказаться от смысловой составляющей семиотики.

Если теперь толковать семиотику путем построения пути или создания порядка, или создания направлений, нет нужды указывать, что является предметом анализа – язык или объект. Такой шаг дает новую преемственность практикам, которые считались разными, когда речь шла о языке и «символах», или о навыках, работе и материи. Можно сказать, что этот шаг делается с целью поднять вещи до уровня достоинства текстов, либо поднять тексты до онтологического статуса вещей. Важно понять, что это возвышение, а не сокращение. Новый гибридный статус дает всем сущностям действие, разнообразие и циркулирующее существование, признаваемое в изучении персонажей текста и реальности, основательности, внешнего воздействия, которые были признаны в вещах «из» наших представлений. То, что теряется, – это абсолютное различие между презентацией и вещами, но это именно то, что акторно-сетевая теория хочет перераспределить через, согласно словам Латура, контр-коперниковскую революцию.

После нахождения этого первого решения – распространения семиотики на вещи вместо того, чтобы ограничивать ее значением, возникает вторая, связанная с этим проблема, – создание пустого методологического каркаса для регистрации описания. Акторные сети действительно соединяются, и, соединяясь друг с другом, дают объяснение самих себя, единственное, что существует для АСТ. Что такое объяснение? Скрепление набора практик, которые контролируют или влияют друг на друга. Никакие объяснения не являются более сильными или более мощными, чем обеспечение связи между несвязанными элементами или показ того, как один элемент удерживает много других элементов. Это одно из основных свойств сетей. Сети становятся более или менее объяснимыми, когда они развиваются и в зависимости от того, что они делают друг с другом. Актеры избавляются, так сказать, от своего собственного беспорядка. Как только вы дадите им все, они возвращают вам объяснительные полномочия, от которых вы отказались. Разрыв между описанием и объяснением, как и почему, слепой эмпиризм и высокое теоретизирование не имеют для акторно-сетевой теории никакого смысла из-за различий между гравитацией и пространством в теории относительности. Каждая сеть, по мере роста, «связывает» объясняющие ресурсы вокруг себя, и нет никакого способа отделить их от ее роста. Не надо выпрыгивать за пределы сети, чтобы добавить объяснение – причину, фактор, совокупность факторов, ряд совпадений; надо просто расширять сеть дальше.

Невозможно дать объяснение, если сеть не расширяется сама по себе. Это не противоречит научной задаче предоставления объяснений и причинности, поскольку из самих исследований наук мы узнали, что никакое научное объяснение научных феноменов и никакая причинность не могут быть предоставлены без расширения самой сети. Объединив объяснение самой сети, АСТ не отказывается от цели науки, поскольку она показывает, что эта цель еще никогда не ставилась, по крайней мере, не через эпистемологический миф объяснения.

Нет сети и актора, устанавливающего сеть, но есть актор, чье определение мира описывает, отслеживает, очерчивает, фиксирует файлы, списки, записи, метки или ярлыки, траекторию, которая называется сетью. Никакая сеть не существует независимо от самого действия по ее отслеживанию, и никакое отслеживание не выполняется актором, находящимся вне этой сети. Сеть – это не вещь, а записанное движение вещи.

АСТ – это мощный инструмент для разрушения сфер и доменов, для восстановления чувства неоднородности и возврата интеробъективности в центр внимания.

Вопросы для закрепления темы:

1. Что понимается под АСТ?